

Исакиева Зулай Сулимовна

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ, ДЕПОРТИРОВАННЫХ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН В 1940-Е ГГ.

В статье на архивном и нормативном материале рассматриваются проблемы правового положения депортированных чеченцев во второй половине 1940-х гг. Анализируется режим организации спецпоселения, его влияние на возможности адаптации депортированных чеченцев. Рассматриваются пределы реализации прав и свобод человека применительно к контингенту спецпоселений. Приводимые автором факты показывают вынужденный характер спецпоселенческой системы и существование значительных административных барьеров на пути к социализации спецпереселенцев из Северного Кавказа. Делается вывод, что права спецпереселенцев носили декларативный характер. Отмечается положительная историческая роль трудящихся-спецпереселенцев в экономике региона-спецпоселения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 87-90. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

во взглядах порождали у ученого оригинальные концепции, исследования, в которых неизменно ставились дискуссионные, даже острые вопросы. Этому способствовала и сама эпоха, поставившая на повестку дня выработку нового канона в исторической науке. Богатое творческое наследие свидетельствует об отклике ученого на актуальные вызовы современности.

Список литературы

1. **Алеврас Н. Н.** Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 41-54.
2. **Волков В. А.** История России первой половины XVII в. в неопубликованных трудах П. П. Смирнова (по материалам НИОР РГБ) // Записки отдела рукописей / РГБ. М.: Пашков Дом, 2004. Вып. 52. С. 595-603.
3. **Дубровский А. М.** Неопубликованные работы П. П. Смирнова в ОР ГБЛ // Археографический ежегодник за 1988 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1989. С. 228-234.
4. «Историко-архивный институт стал моим родным домом»: воспоминания **Н. А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940-1947)** [Электронный ресурс] // Отечественные архивы. 2003. № 4. URL: <http://portal.rusarchives.ru/publication/kovalchuk.shtml> (дата обращения: 10.04.2016).
5. **Козлов В. Ф.** Материалы заседания ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова // Археографический ежегодник за 1980 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1981. С. 243-247.
6. **Коломиец Н. А.** Павло Петрович Смирнов – историк та педагог: автореф. дисс. ... к.и.н. Киев, 2008. 16 с.
7. **Литвак Б. Г.** Урок сопротивления сталинской школе фальсификации. П. П. Смирнов об Иване Грозном и Штадене // Штаден Г. Записки о Московии: в 2-х т. М.: Древлехранилище, 2009. Т. 2. С. 21-22.
8. **Михальченко С. И.** Киевская школа в российской историографии. М.: Прометей; Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. 228 с.
9. **Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками.** М.: Древлехранилище, 2001. 528 с.
10. **Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ).** Ф. 279. Карт. 37.
11. **Смирнов П. В. О.** Ключевский // Военно-исторический вестник. Киев, 1912. Кн. 2. С. 65-77.
12. **Юрганов А. Л.** Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.

THE HISTORIAN P. P. SMIRNOV'S CREATIVE "CREDO"

Isaev Dmitrii Petrovich, Ph. D. in History
Southern Federal University in Rostov-on Don
dpisaev@sfedu.ru

On the basis of personal sources the author reveals the features of the creative image of the historian P. P. Smirnov (1882-1947). Attention paid to sociocultural context in modern historiographical researches stipulates the study of the "non-scientific" components of knowledge directly or indirectly affecting the final result. The reconstruction of such aspects of P. P. Smirnov's life world as attitude to the "craft" of a historian, organizational skills, teaching activity, and polemical nature allows, ultimately, understanding the nature of the scientist's professional interests, the originality of his works, and the style of his speeches.

Key words and phrases: P. P. Smirnov; personal sources; life world; creative style; teaching.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье на архивном и нормативном материале рассматриваются проблемы правового положения депортированных чеченцев во второй половине 1940-х гг. Анализируется режим организации спецпоселения, его влияние на возможности адаптации депортированных чеченцев. Рассматриваются пределы реализации прав и свобод человека применительно к контингенту спецпоселений. Приводимые автором факты показывают вынужденный характер спецпоселенческой системы и существование значительных административных барьеров на пути к социализации спецпереселенцев из Северного Кавказа. Делается вывод, что права спецпереселенцев носили декларативный характер. Отмечается положительная историческая роль трудящихся-спецпереселенцев в экономике региона-спецпоселения.

Ключевые слова и фразы: депортация; социализация; спецпереселенцы; спецпоселение; спецкомендатура; правовое положение; чеченцы.

Исакиева Зулай Сулимовна

Чеченский государственный университет
Zulai-787@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ, ДЕПОРТИРОВАННЫХ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН В 1940-Е ГГ.

Современное российское общество нуждается в объективном познании огромного исторического опыта, накопленного предшествующими поколениями. Его анализ позволяет конкретнее и точнее избрать верные

пути в современной российской внутренней и внешней политике в плане развития гражданского общества и предотвращения возврата к тотальной системе управления.

Институт депортации народов в СССР сопровождался массовыми нарушениями юридических прав спецпереселенцев. Высланные с исторической родины чеченцы прошли через все тяготы репрессивной политики, о чем сообщается в Законе Республики Казахстан от 14.04.1993 г. «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» [10]. В частности, это разные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам в виде лишения свободы, выселения из постоянного места проживания, направление в ссылку, высылка на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, лишение и ограничение прав и свобод, определение народов по национальному признаку «опасными» для государства. Вопросы спецпереселенцев решал Отдел специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР [8, с. 97].

Депортированные чеченцы в числе спецпереселенцев обязаны были проходить унижительные процедуры регистрации и перерегистрации, отмечаться в местных комендатурах.

Спецпереселенец при достижении шестнадцати лет становился на спецучет, на него заводили персональную карточку, открывали личное дело, также велся посемейный учет.

В пунктах поселения чеченцев местные власти, выполняя указания вышестоящих органов, принимали циркуляры, фиксирующие повседневную жизнь спецпереселенцев.

Для всеобщего контроля за спецконтингентом населенные пункты, где проживали спецпереселенцы, разбивали на «десятидворки», назначали ответственных, которые через каждые 10 дней отчитывались коменданту за вверенную им территорию.

Для соблюдения режима спецкомендатурам приписывали по 5-7 солдат НКВД во главе с сержантом или офицером. Органы НКВД осуществляли оперативную работу среди спецпереселенцев, создавая специальную агентурную сеть, чтобы контролировать настроение и реакцию людей на очередные политические вызовы. Так, на 1 июня 1944 г. агентурно-осведомительная сеть органов НКВД среди спецпереселенцев Северного Кавказа, Калмыкии и Крыма насчитывала 11 699 человек [4, д. 86, л. 75].

Следует обозначить, что при приеме и размещении прибывшего спецконтингента чеченцев оперативные работники, сопровождающие эшелоны, предоставляли список агентуры, осведомителей для агентурной разработки и освещения ответственности за побег спецпереселенцев, составляли план на вербовку осведомителей. В промышленных районах формировались резидентуры для улучшения агентурного обслуживания спецпереселенцев.

Для повышения уровня комендантского состава по агентурно-оперативной работе проводились семинары, а в отдельности со старшими «десятидворок» проводили собрания, где объясняли ответственность за побег с мест спецпоселения, которые входят в их «десятидворки». Также проводились собрания с членами групп содействия [12, с. 87-88].

Правовое положение рассматриваемой категории людей определяло постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. [9].

Главная задача, стоявшая перед оперативными работниками, заключалась в приобщении спецпереселенцев к общественно полезной работе. В соответствии с постановлением лица, состоящие на учете спецпоселений, занимающиеся общественно полезным трудом, имели право проживать в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

Однако право не распространялось на тех спецпереселенцев, которые не занимались общественно полезным трудом, нарушали режим спецпоселения.

Местным Советам, совместно с органами НКВД, предписывалось всех их трудоустроить. Спецпереселенцы были задействованы на самых разных производствах. Архивные источники свидетельствуют, что спецпереселенцы с Чечено-Ингушской автономной республики, самоотверженно работая на шахтах, рудниках, производственных сферах Казахстана, постепенно приобрели профессии бурильщиков, добытчиков, слесарей, горнорабочих, забойщиков. Многие из них выполняли план добычи и числились стахановцами в Карагандинском угольном бассейне.

Несоблюдение трудовой дисциплины каралось привлечением к ответственности согласно действующему законодательству.

Постановление о правовом положении спецпереселенцев закрепляло ограничение на свободное передвижение. Спецпереселенцы только с позволения коменданта имели право выйти из района своей спецкомендатуры. Своевольная отлучка считалась побегом и заканчивалась уголовной ответственностью. Постановление четко обозначило статус спецпереселенца для каждого вынужденного переселенца. Глав семей спецпереселенцев обязывали в течение трех дней доложить в спецкомендатуру о всяких происшедших в семье изменениях, будь то появление на свет ребенка, кончина или побег члена семьи. Спецпереселенцы обязаны были соблюдать режим и общественный порядок, определенный для них в «местах расселения», безоговорочно соблюдать все распоряжения спецкомендатур. В Положении о спецкомендатурах, утвержденном приказом НКВД № 04 от 1945 г. [14], определялись нормы оперативно-административного обслуживания спецпереселенцев и контроль за их хозяйственно-трудовым устройством.

Коменданты спецкомендатур осуществляли учет спецпереселенцев и наблюдение за ними для предотвращения побегов с мест поселения и выявления среди них антисоветских и уголовно-преступных элементов:

- проводили розыск бежавших спецпереселенцев;
- пресекали беспорядки в местах пребывания спецпереселенцев;

- исполняли контроль за хозяйственно-трудовым устройством спецпереселенцев в местах их проживания;
- занимались приемом жалоб и предложений от спецпереселенцев и проводили по ним необходимые мероприятия;
- занимались выдачей разрешений спецпереселенцам на временный выезд на места за пределы, обслуживаемые этой комендатурой.

Коменданты спецкомендатур НКВД имели право в случае, если спецпереселенцы нарушат установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения, налагать на них административные взыскания в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток. Административное взыскание утверждалось начальником районного отдела НКВД, арест применялся с санкции прокурора.

Административное взыскание оформлялось постановлением коменданта спецкомендатуры, которое вместе с объяснениями нарушителя направлялось на утверждение начальника районного отдела НКВД.

Коменданты спецкомендатур расследовали дела о побегах и других преступлениях спецпереселенцев.

О каждом возбужденном деле комендант должен был сообщать начальнику районного отдела НКВД и районному прокурору. Более сложные дела принимались начальником районного отдела НКВД к своему производству или, по предложению прокурора, передавались последнему. По делам о контрреволюционных преступлениях комендантами спецкомендатур производились первичные следственные действия, далее передавали следственный материал в районный отдел НКВД.

Дела о побегах, бандитизме и контрреволюционных преступлениях направлялись через соответствующие НКВД-УНКВД на рассмотрение Особого Совещания при НКВД. Все прочие дела в судебные органы направлялись в обычном порядке. Прокурорский надзор за деятельностью спецкомендатур НКВД осуществлялся соответствующими органами прокуратуры [3, д. 3205, л. 25-28]. Указ Президиума ВС СССР от 26.11.1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» устанавливал, что «в целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства» [15, с. 252]. За самовольный выезд или побег из мест обязательного поселения виновные привлекались к уголовной ответственности. Мера наказания за это «преступление» предполагала двадцать лет каторжных работ. Дела в отношении побегов выселенцев рассматривались Особым совещанием при МВД СССР.

К уголовной ответственности привлекались также причастные в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения:

- лица, выдавшие разрешения выселенцам на возвращение в места прежнего жительства;
- лица, оказывающие им содействие в устройстве в местах их раннего проживания. Перечисленная категория людей привлекалась к уголовной ответственности сроком на 5 лет [11].

Данное положение о спецпереселенцах подтверждалось приказом Министерства госбезопасности СССР № 00776 от 24.10.1951 г., который гласил: «Объявить под расписку спецпереселенцам, что они в соответствии с Указом Президиума Совета Верховного Совета от 09.10.1951 г. оставлены на спецпоселении навечно» [5, с. 180].

Документ содержал пункт о правах спецпереселенцев, который гласил, что они «пользуются всеми правами СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим постановлением» [2, д. 213, л. 1].

Агитационно-пропагандистской работе среди спецконтингента, в том числе и среди чеченцев, придавалось особое значение. Каждое постановление партии и правительства, касающееся спецпереселенцев, будь то выделение земельных участков под застройку домов, скота, кредитов, трудоустройство и т.д., доводилось до спецпереселенцев как забота советской власти о них. Для большего эффекта привлекались агитаторы из числа самих спецпереселенцев.

Органы внутренних дел проводили целенаправленную работу с мусульманским духовенством.

Например, из доклада секретаря Карагандинского обкома партии Баймурзина в ЦК партии следовало, что «осенью 1945 г. и весной 1946 г. повсеместно были проведены общие собрания среди чеченского населения в связи с выдачей им скота. Во время избирательной кампании работало 84 агитатора и переводчика из среды чеченцев, которые разъясняли избирательный закон и положения сталинской Конституции» [13, с. 137]. В городе Темиртау работали 10 агитаторов – чеченцев и 2 коммуниста, в Ленинском районе 14 агитаторов и переводчиков проводили работу среди чеченского населения на родном языке. За время избирательной кампании агитаторы провели 864 беседы на родном языке, на которых присутствовало 10 364 человека. На избирательном участке № 39 г. Темиртау национальный художественный кружок провел 8 выступлений перед чеченскими избирателями. Подобные кружки действовали на избирательных участках в г. Балхаш, в Осакаровском, Тельманском и других районах Карагандинской области [1, д. 187, л. 149 – 149 об.].

В своих воспоминаниях Герой Социалистического Труда, председатель Ассоциации деятелей эстрады и искусства Махмуд Эсамбаев отмечал, что спецкомендатуры, где пребывали чеченцы и ингуши, отличались строгим режимом, тяжелыми условиями проживания: «Каждый месяц пятого числа я должен был являться в комендатуру и расписываться в том, что я на месте, не сбежал. Такая процедура казалась мне унижительной» [7, с. 63].

Спецпереселенцы пользовались избирательными правами на общих со всем населением основаниях. Но они не могли иметь на руках документы, которые удостоверяли бы их личность. Документом при голосовании,

согласно указанию и подтверждению НКВД СССР, могли служить трудовые книжки, которые выдавались в день голосования на один день. Неработающие спецпереселенцы и иждивенцы получали в комендатуре трудпоселков специальные бланки для голосования.

В середине 1950-х годов Президиум Верховного Совета СССР выпустил ряд указов о снятии ограничений в правовом положении.

Таким образом, права спецпереселенцев носили декларативный характер, поскольку «ограничения прав», предусмотренные постановлением, перечеркивали все гражданские права, характерные для демократического общества. Проводимая государственная политика в системе расселения вынужденных переселенцев, семейно-брачных отношений, отсутствие возможности образования на родном языке, ограничение гражданских прав и свобод способствовали к размыванию и постепенной ассимиляции их с местным населением.

Однако стоит отметить, что спецпереселенцы стали одним из источников пополнения и развития рабочих кадров Казахстана. Ко времени снятия с учёта спецпоселения многие чеченцы овладели высокой профессиональной квалификацией, своим самоотверженным трудом заслужили авторитет, получили жилье от предприятий, приобрели личные хозяйства.

После освобождения по Указу № 139/19 Президиума Верховного Совета СССР от 16.07.1956 г. [6, с. 252] значительная их часть осталась работать в Центральном Казахстане в соответствии со своей производственной квалификацией.

Список литературы

1. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 3п. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-401. Оп. 1.
3. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 47а.
4. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2.
5. Зайцев Е. А. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 222 с.
6. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
7. Исакиева З. С. Депортированные чеченцы и ингуши на шахтах и рудниках Центрального Казахстана в 1944-1957 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2010. № 12. С. 59-69.
8. Исакиева З. С. К вопросу истории депортированных чеченцев и ингушей в Центральном Казахстане (1944-1957 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. Т. 6. № 6. Ч. 2. С. 97-99.
9. О правовом положении спецпереселенцев [Электронный ресурс]: Постановление СНК СССР от 08.01.1945 г. № 35. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. О реабилитации жертв массовых политических репрессий [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 14.04.1993 г. URL: <http://www.memo.ru/rehabilitate/resp/kazah04.htm> (дата обращения: 28.05.2016).
11. Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1948 г. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/dokument/USSR/481126.htm> (дата обращения: 25.11.2014).
12. Сейткасымов А. А. Северный Казахстан: страницы истории (20-40-е годы XX века). Кокшетау: Келешек-2030, 2008. 122 с.
13. Спецпереселенцы в Карагандинской области: сборник документов и материалов / сост. Р. М. Жуманов, Л. В. Михеева; под ред. Е. К. Кубеева. Караганда, 2007. 325 с.
14. Сталинские депортации 1928-1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005. 904 с.
15. Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: художественно-документальный сборник: в 3-х т. / сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. 1068 с.

LEGAL STATUS OF THE CHECHENS, WHO WERE DEPORTED TO CENTRAL KAZAKHSTAN IN THE 1940S

Isakieva Zulai Sulimovna
Chechen State University
Zulai-787@mail.ru

The article by archival and normative material examines the problems of the legal status of the deported Chechens in the second half of the 1940s. The author analyzes the special settlement regime, its influence on the deported Chechens' adaptation potentials. The paper examines the limits of the realization of human rights and liberties regarding the special contingent. The submitted facts indicate the obligatory nature of the system of the special settlements and substantial administrative barriers on the way to the special resettlers' socialization. The researcher concludes that the special resettlers' rights were of declarative nature and mentions the positive historical role of the workers – special resettlers in the regional economy.

Key words and phrases: deportation; socialization; special resettlers; special settlement; special commandant's office; legal status; the Chechens.